

Дж.Э.Бойл

ФОРМЫ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ ЛОШАДИ У МОНГОЛОВ В XIII-XIV ВЕКАХ*

Монголы в пору их имперского величия, возможно, были последним народом в северном полушарии, который хоронил своих правителей в могилах, названных Г.Чайлдом царскими (Child V.G., 1944, p.92), то есть в погребальных сооружениях, выдающихся по размерам, а также богатству, изобилию погребального инвентаря и присутствию в них не только животных, но и человеческих жертв. Такие могилы, по мнению Г.Чайлда, либо свидетельствовали о рождении новой цивилизации, как в Месопотамии или в Китае, либо маркировали ту стадию в развитии варварских обществ, когда они внезапно оказывались под влиянием гораздо более высоко-развитой цивилизации (Child V.G., 1944, pp.95, 96). Г.Чайлд, надо полагать, поместил бы монгольские погребения, которых он касается мимоходом [*en passant*], во вторую из выделенных им двух категорий. Впрочем, столь же правильно было бы считать их последним проявлением традиции, которая восходит к большим скифским курганам VI в. до н.э. на Кубани (Talbot Rice T., 1957, pp.92-106).

Пожалуй, наиболее ясное описание подобных похорон дано персидским историком Джузджани (1193-1260 гг), которое я привожу в переводе Г.Раверти¹:

“Похоронили его (т.е. Бату) по обряду монгольскому. У этого народа принято, что если кто из них умирает, то под землей устраивают место вроде дома или ниши, сообразно сану того проклятого, который отправился в преисподнюю. Место это украшают ложем, ковром, сосудами и множеством вещей; там же хоронят его с оружием его и со всем его имуществом. Хоронят с ним в этом месте и некоторых жен и слуг его, да (того) человека, которого он любил более всех. Затем ночью зарывают это место и до тех пор гоняют лошадей над поверх-

ностью могилы, пока не останется ни малейшего признака того места (погребения)” (Minhāj al-Dīn Jūzjānī, 1881, p.1173).

Я хотел бы привлечь особое внимание к последней детали обряда. П.Пеллио в “Заметках о Марко Поло” привел другое свидетельство, чтобы показать, что над монгольскими императорскими могилами не воздвигалось никаких “погребальных насыпей” (Pelliot P., 1959, p.333). В “Юань-ши” об этом сказано так: “[во время императорских похорон,] когда они достигли могильного холма [*ling*], земля, извлеченная при рытье ямы, была уложена крупными глыбами, которые разместили в [должном] порядке. Как только гроб был опущен [в яму], [яма] была заполнена и надлежащим образом закрыта [глыбами]. Оставшуюся избыточной землю унесли далеко в другое место”. П.Пеллио комментировал: “Это описание подразумевает, что никакой “насыпи” не было и что слово *ling* используется в тексте исключительно под влиянием императорских насыпей китайских династий. Слова о расположении глыб земли в том порядке, в котором она была извлечена, могут относиться к дерновым блокам, которые старались не повредить, с тем, чтобы поверхность над могилой после похорон сохранила первоначальный вид. Это было важно для обеспечения тайны места погребения”. В подтверждение своего мнения П.Пеллио указывает на описание Дж. Плано Карпини похорон некоторых знатных монголов: “Они ... зарывают яму ... и сверху кладут траву, как было раньше, с той целью, чтобы впредь нельзя было найти это место”. Наконец, из “Хэй-да ши-люэ”, отчета китайского посланника, посетившего Монголию, вероятно, в 1232 г, он приводит отрывок, который очень близок свидетельству Джузджани: “могилы ... [монголов] не имеют

* Перевод с англ. яз. В.П.Костюкова (Boyle J.A., 1977. A Form of Horse Sacrifice amongst the 13th- and 14th-Century Mongols// Mongol World Empire 1206-1370. Variorum reprints. London. pp.145-50).

¹ Прим. пер. – текст цитаты дан в переводе В.Г.Тизенгаузена (1941, с.16). Здесь и далее цитаты из восточных авторов приводятся по уже опубликованным русским переводам.

никакой насыпи; они гоняют поверх них лошадей, чтобы земля выровнялась до обычного вида”².

Между тем, Дж. Плато Карпини четко различает у монголов “способ погребения их главных людей” и формы захоронения “менее важных людей” (*The Mongol Mission ...*, 1955, pp.12-13); могилы последних не только не держались в тайне, но даже оказывались особо заметными в результате развешивания на них одной или нескольких шкур лошади. Такая практика засвидетельствована в отдельных деталях не только Дж. Плато Карпини, но и Винсентом Бове (*The Journey ...*, 1900, p.80, note 2), Риколдо да Монте-Кроче (*Peregrinatores medii ...*, 1864, X, 8), Киракосом Гандзакци (*Boyle J.A.*, 1963, pp.204-207 and note 33) и Ибн Баттутой (*Ibn Baṭṭūṭa*, 1929, pp.299-300). Ритуал, как он восстанавливается из этих описаний, сводился к следующему. Сначала лошадь гоняли по кругу, пока она не падала от усталости, после чего ее голову мыли кумысом, кости и внутренности удаляли и в живот втыкали шест так, что он выходил через рот. Согласно Ибн Баттуте, четыре лошади таким образом были выставлены на шестах над могилой некоего монгольского вождя (но отнюдь не современного ему Юаньского императора, как он утверждает³); Гильом Рубрук тоже сделал запись о том, что видел шкуры шестнадцати лошадей, вывешенных на длинных шестах на могиле недавно умершего человека (*The Journey ...*, 1900, p.82). Правда, контекст этого последнего свидетельства предполагает, что Г.Рубрук описал могилу не монгола, а комана или кыпчака. В любом случае, кажется достаточно вероятным, что монголы заимствовали у своих кыпчакских подданных ту погребальную традицию, которую другой путешественник, Ибн Фадлан, наблюдал тремя столетиями ранее среди язычников огузов (Ковалевский А. П., 1956, с.128).

Цель рассматриваемой практики не вполне ясна. Поскольку мертвый человек уже обеспечен в могиле лошадью или лошадьми для использования в ином мире, выставление лошадей над могилой должно иметь какой-то другой смысл⁴. В недавней статье я допустил возможность аналогии со “столбом презрения” викингов (*Boyle J.A.*, 1963). В одном известном нам случае голова лошади была водружена на столб, чтобы обратить на врага проклятие грозных духов земли; в другом – передняя часть лошади была отчленена по грудную кость и укреплена на шесте, чтобы оскорбить человека, не вышедшего на поединок. На основании этого сравнения я заключил, что цель установки шкуры лошади над могилами, возможно, заключалась в том, чтобы защитить мертвых от нападения зловредных духов. Однако отрывок из сочинения армянского историка Мовсеса Дасхуранци (Каланкатвази), к которому я смог обратиться в постскрипуме к моей статье, предлагает более подходящее объяснение анализируемой практики. В связи с миссией армяно-албанского епископа Исраила в 681-682 гг к хазарам (или вассалам хазар) в Северный Дагестан говорится, что эти люди имели обыкновение жертвовать лошадью дубовым деревьям, посвященным Тенгри, проливая на стволы кровь животных и развешивая на ветвях их головы и шкуры (*Movses Dasxuranci*, 1961, p.99). Этот ритуал сохранялся вплоть до нынешних времен среди лесных народов в Поволжье. Вот что писал о черемисах Ф. фон Страленберг, шведский военнопленный, в нач.XVIII в. проведший тринадцать лет в различных частях Российской империи: “У этих людей нет идолов леса; их священники обращаются к небесам на открытой местности и около больших деревьев, которые они почитают и возле которых проводят свои собрания. Шкуры и кости того крупного скота, который приносится в жертву, они веша-

² О могиле Чингиз-хана см.: Pelliot P., 1959, pp.330-353. Могилы Хулагу и Абага были устроены на вершине холма на острове Шахи (прим. пер. – в русском издании Рашид ад-Дина: Шаху) на озере Урмия (*Rašīd-ad-Dīn*, 1968, pp.94 and 164; Mustaufī Hamd Allah Qazwīnī, 1919, p.233). Аргун (ум. в 1291 г) был последним монгольским правителем Персии, захороненным в тайном погребении. Его могила, согласно А.Мустауфи Казвини, “была сооружена на горе Седжас, и, в соответствии с монгольским обычаем, они скрыли место, насыпав целую гору над неприкосновенной святыней [*Qurūgh*], так чтобы люди не могли без затруднений преодолеть этот путь. Дочь Аргуна Улжай (Олджей)-хатун (прим. пер. – в русском издании Рашид ад-Дина: Олджетей-хатун), однако, сделала могилу своего отца общеизвестной, основав возле нее приют для дервишей и поселив здесь служителей” (*Mustaufī Hamd Allah Qazwīnī*, 1919, p.69). Точно также и чагатайский правитель Барак (1266-1271 гг) по распоряжению Хайду был захоронен на “высокой горе” (*Rašīd-ad-Dīn*, 1968, p.138).

³ Речь идет о Тогон-Тимуре (1332-1370 гг), последнем императоре династии. Император, согласно Ибн Баттуте, был убит своим племянником Фирузом [*Figuz*], который перенес столицу из Пекина в Каракорум. По поводу этого экстраординарного сообщения автор перевода Г.Гибб замечает: “Поскольку указанный Фируз в других источниках абсолютно неизвестен и поскольку резиденция Великих ханов была переведена в Каракорум только после смерти Тогон-Тимура в 1371 г (если китайские сведения истинны), наличие сего пассажира в книге, копия которой, записанная в 1356 г, дожила до наших дней, является проблемой, более любопытной для психиатрии, нежели для истории” (*Ibn Baṭṭūṭa*, 1929, p.373).

⁴ Эта проблема была затронута Ж.-П.Ру: “Предстоит, однако, еще выяснить, почему некоторых животных хоронили, в то время как других вывешивали на шестах. Не были ли они предназначены для того, чтобы служить различным душам? Несомненно, что ответить на вопрос поможет только обращение к этнографии” (*Roux J.-P.*, 1963, p.174).

ют гнить на эти священные деревья, таким образом доставляя свои жертвы воздуху” (von Strahlenberg Ph.J., 1738, pp.354-355)⁵. Что именно в данном месте у Ф. фон Страленберга означает “крупный скот”, становится ясным в той части его записок, где он пишет о мордвинах: “Они не развешивают шкуры лошадей на деревьях, как это делают черемисы ...” (von Strahlenberg Ph.J., 1738, p.413)⁶. Наконец, о чувашах он говорит: “Примечательно, что лошади пользуются у них таким почтением, что они никак не используют конские шкуры, а лишь вывешивают их на деревья” (von Strahlenberg Ph.J., 1738, p.356).

Я склонен предполагать, что это была наиболее древняя, первичная форма ритуала, и что кочевники, приспособившая его к специфическим условиям степи, стали возносить жертвы на шесты из-за отсутствия деревьев или их нехватки. Из этого следует, что лошади, выставленные над могилами, в отличие от тех, что захоронены в них, предназначались в жертву богу неба Тенгри. Это, в частности, подтверждается тем, что шестнадцать шкур лошадей, развешанных над могилой, описанной Г.Рубруком, были расположены “по четыре с каждой стороны мира”, то есть каждого из четырех углов небес⁷.

Принесение в жертву лошади подобным способом сохранялось вплоть до недавнего времени, причем особенно наглядно – среди алтайских тюрков в жертве Бай-Ульгеню, то есть Тенгри, но, вероятно, уже только в ходе общественных церемоний (Czaplicka M.A., 1914, pp.298-299; Narva U., 1938, pp.553-556, 564; Eliade M., 1951, pp.175-177). Традиция же воздвигать конские шкуры на шестах над могилами, по всей

видимости, большей частью или полностью завершилась у монголов Золотой Орды, которые находились в самом близком контакте с кыпчаками. Эта практика постепенно угасла в связи с принятием ими ислама.

Совершенно другое объяснение рассматриваемой традиции предлагает Ибн Фадлан в уже упомянутом отчете о погребальных обрядах огузов. Далее я привожу дословный перевод соответствующего пассажира⁸:

“А если умер человек из их [числа], то для него выкопают большую яму в виде дома, возьмут его, наденут на него его куртку⁹, его пояс, его лук, и положат в его руку деревянный кубок с набизом, оставят перед ним деревянный сосуд с набизом, принесут все, что он имеет, и положат с ним в этом доме. Потом посадят его в нем, и дом над ним покроют настилем и накроют над ним нечто вроде купола из глины. [Потом] возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убьют из них сто голов, или двести голов, или одну голову и съедят их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И право же, они растягивают [все] это на деревянных сооружениях¹⁰ и говорят: «Это его лошади, на которых он поедет в рай». Если же он когда-либо убил человека и был храбр, то [они] вырубят изображения из дерева по числу тех, кого он убил, поместят их на его могиле и скажут: «Вот его отроки, которые будут служить ему в раю». Иногда они пренебрегут убиением лошадей день или два. Тогда побуждает их какой-нибудь старик из числа их старейшин¹¹ и говорит: «Я видел такого-то, то есть умершего, во сне, и он сказал мне: «Вот видишь, меня уже перегнали мои то-

⁵ Немецкий оригинал, изданный в Стокгольме в 1730 г, был мне недоступен.

⁶ В действительности, в более ранний период они тоже следовали этой практике. Венецианец Иосафат Барбаро, посетивший волжский регион в 1-й пол.XV в., оставил отчет о “вере и обычаях” моксиев, т.е. мокши, ветви мордвы. Ниже я привожу важный отрывок из перевода, сделанного Вильямом Томасом [William Thomas] в эпоху ранних Тюдоров, и опубликованного в трудах Hakluyt Society в 1873 г: “В известное время года они берут лошадь, которую они приобретают сообща, и привязывают ей все четыре ноги к четырем кольям, а голову – к отдельному колу. Все эти колья вбиты в землю. Затем приходит человек с луком и стрелами, становится на соответственном расстоянии и стреляет в сердце до тех пор, пока не убьет лошадь. Потом ее обдирают, из шкуры делают мешок, над мясом совершают какие-то свои обряды и съедают его; шкуру туго набивают соломой и зашивают ее так искусно, что она кажется цельной; вместо каждой из ног подставляют прямой брусок дерева – так, чтобы лошадь могла стоять, будто живая, на ногах. Наконец, они идут к какому-нибудь большому дереву, обрубают соответственным образом сучья и прилаживают сверху помост, на который и помещают эту лошадь стоймя. В таком виде они ей поклоняются и приносят в дар соболей, горностаев, белок, лисиц и другие меха. Все это они навешивают на дерево, подобно тому, как мы ставим свечи [в церкви]. Таким образом, получается, что эти деревья сплошь заполнены мехами” (прим. пер. – русс. текст цит. по: Барбаро и Контарини о России, 1971, с.159).

⁷ Возможно, четыре шеста над могилой, описанные Ибн Баттутой, были ориентированы подобным же образом. Однако, согласно его описанию, над могилами главных родственников императора на колья были насажены только три лошади, а над каждой из остальных – лишь по одной.

⁸ Труд Ибн Фадлана, переведенный и изданный Ахмедом Тоганом (Ibn Faḍlān's Reisebericht, 1939), остался для меня недоступным.

⁹ Автор перевода читает здесь *تقطرة* вместо непонятого *تقطنة*.

¹⁰ В переводе А.П.Ковалевского шкуры “вывешивают на деревянных конструкциях (деревяшках)”. К.Э.Босворт описывает убитых животных как “брошенных” на могиле (Bosworth С.Е., 1963, p.217). Однако наиболее очевидным значением арабского глагола *يصلبون* является “распинать”, т.е. в данном контексте, “пронзать, сажать на кол”.

¹¹ А.Тоган видит в этом старике шамана (Ibn Faḍlān's Reisebericht, 1939, p.27). См.: Roux J.-P., 1963, p.108; Ковалевский А.П., 1956, с.187, прим.254.

варищи, и на моих ногах образовались язвы от следования за ними¹². Я не догнал их и остался один». При этих обстоятельствах они берут его лошадей и убивают их и растягивают их¹³ на его могиле. И когда пройдет день или два, придет к ним этот старик и скажет: «Я видел такого-то, и он сказал: «Сообщи моим семейным и моим товарищам, что подлинно я уже догнал тех, которые ушли раньше меня, и что я нашел успокоение от усталости»» (Ковалевский А. П., 1956, с.335 (текст), с.128 (перевод)).

У огузов, если принять утверждения Ибн Фадлана, цель вывешивания лошадей над могилой была абсолютно недвусмысленной – обеспечение мертвого человека средствами транспортировки в иной мир. Однако нужно отметить, что Ибн Фадлан не упоминает о каких-либо жертвах *внутри* могилы. Возможно, вывешенные шкуры были заменой таких жертв, подобно тому, как деревянные изображения мертвых врагов (очевидно, своего рода *балбалы*¹⁴)

были заменой человеческих жертв. Впрочем, резонно ожидать, что среди жалких, “почти безрелигиозных” кочевников, которых посланник халифа нашел блуждающими на плато Устюрт “подобно диким ослам” (Bosworth С.Е., 1963, р.216), бытовала изрядно деградировавшая форма ритуала. Как мы видели, выставление шкуры лошади в качестве жертвы Богу Неба засвидетельствовано в Кавказском регионе в кон. VII в., у финских и тюркских народов на Средней Волге до XVIII в., а среди алтайских тюрков – вплоть до настоящего времени. Трудно представить, что это не было первоначальным значением обычая, и я, несмотря на свидетельство Ибн Фадлана, продолжаю придерживаться мнения, что шкуры лошадей, выставленные на шестах над кыпчакскими и монгольскими могилами, также предназначались в жертву Тенгри. И только тем животным, что находились непосредственно в могиле, было суждено следовать вместе со своим хозяином в иной мир.

Литература и архивные материалы

- Барбаро и Контарини о России**, 1971/ пер. Е.И.Скржинской. М.
- Ковалевский А.П.**, 1956. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков.
- Тизенгаузен В.Г.**, 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.; Л.
- Barthold V.V.**, 1945. *Histoire des Turcs d'Asie Centrale*. Paris.
- Bosworth С.Е.**, 1963. *The Ghaznavids*. Edinburgh.
- Boyle J.A.**, 1963. *Kirakos of Ganjak on the Mongols*// CAJ. VIII/3.
- Childe V.G.**, 1944. *Progress and Archaeology*. London.
- Czaplicka M.A.**, 1914. *Aboriginal Siberia*. Oxford.
- Eliade M.**, 1951. *Le Chamanisme et les techniques archaïques de l'extase*. Paris.
- Harva U.**, 1938. *Die religiösen Vorstellungen der altaischen Völker*. Helsinki.
- Ibn Baṭṭūṭa**, 1929. *Travels in Asia and Africa 1325-54*/ transl. by H.A.R.Gibb. London.
- Ibn Faḍlān's Reisebericht**, 1939/ ed. and transl. by A.Z.V.Togan. Leipzig.
- Mīnhāj al-Dīn Jūzjānī**, 1881. *Ṭabaqāt-i Nāširī*/ transl. by H.G.Raverty. London.
- Movses Daxurancī**, 1961. *History of the Caucasian Albanians*/ transl. by C.J.F.Dowsett. London.
- Mustaufi Hamd Allah Qazwini**, 1919. *The Geographical Part of the Nuzhat al-Qulūb*/ transl. by G. Le Strange. Leiden; London.
- Pelliot P.**, 1959. *Notes on Marco Polo*. Vol.I. Paris.
- Peregrinatores medii aevi quatuor**. Burchardus de Monte Sion, Ricoldus de Monte Crucis, Odoricus de Foro Julii, Wilbrandus de Oldenborg. 1864/ Quorum duos nunc primum edidit duos ad fidem librorum manuscriptorum recensuit J.C.M. Laurent. Lipsiae.
- Rašīd-ad-Dīn**, 1968. *Jami at-Tavarikh*/ ed. by A.A.Alizade at al. Part I. Moscow.
- Roux J.-P.**, 1963. *La Mort chez les peuples altaïques anciens et médiévaux d'après les documents écrits*. Paris.
- von Strahlenberg Ph.J.**, 1738. *An Historico-Geographical Description of the North and Eastern Parts of Europe and Asia; but more particularly of Russia, Siberia, and Great Tartary*. London.
- Talbot Rice T.**, 1957. *The Scythians*. London.
- The Journey of William of Rubruck** to the Eastern Parts of the World, 1900/ transl. by W.W.Rockhill. London.
- The Mongol Mission**. Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries, 1955/ ed. by Ch.Dawson. London; New York.

¹² В тексте выражение وشفتت رجلاي, которое А.Тоган переводит “... мои ноги ослабли [meine Füße waren zu schwach]” (Цит. по: Ковалевский А.П., 1956, с.188, прим.255). Я последовал ему, принимая версию К.Цегледи شَفَّتْ – из شَأْفَةٌ “изъязвить (ноги)” – как более подходящее исправление неясного شَفَّتْ رجلي.

¹³ См. выше прим.10.

¹⁴ О *балбалах* или камнях, изображающих убитых врагов, см.: Barthold V.V., 1945, pp.14-15; Roux J.-P., 1963, pp.102-105.